

— Замысел неплох, и выражения подобраны уместно, хорошо. Глагол в заключительной строке можно еще заменить, исправь и снова принеси мне посмотреть.

Ладонь тяжелеет — тетрадь возвращена. Вэй Хо облегченно вздыхает и с улыбкой говорит:

— Благодарю учителя за наставление.

— Хм, — Чан Жун делает шаг, потом вспоминает еще об одном деле. — Послезавтра утром, в час Чэнь, в Южном павильоне на первом этаже пройдут дебаты. Вы трое идите вместе, никто не имеет права отсутствовать.

Вэй Хо и двое других хором отвечают согласием.

Послезавтра утром Вэй Хо и Юань Чан вместе отправляются на дебаты, Хань Сяюй по своим делам ушел раньше.

Они идут и по пути болтают.

Юань Чан говорит:

— Ты знаком с Ван Юанем?

Вэй Хо в душе не очень охотно, но все же отвечает:

— Знаком. Перед столичным экзаменом мы жили в одной гостинице.

— Вот как. Тогда ты, наверное, очень рад.

— А? — Вэй Хо не понимает, что тот имеет в виду.

Юань Чан говорит:

— Ранее, во время предварительного военного экзамена, он написал стихотворение, которое через министра наказаний Ху Жаня подали на рассмотрение императору. Императору очень понравилось, он дал награду и специально распорядился, что в следующем году Ван Юаню не нужно, как нам, снова проходить столичный экзамен, он может напрямую участвовать в дворцовом экзамене. Вот это удача, очень завидная.

Вэй Хо внутренне не согласен, но не показывает виду, лишь слегка кивает и переводит разговор на другую тему.

Беседуя таким образом, они вскоре достигают Южного павильона.

Вэй Хо заходит внутрь, обводит взглядом помещение и, увидев Хань Сяюя, подходит и садится рядом с ним.

В зале стоит шум около времени, необходимого для сгорания одной палочки благовоний. Когда декан выходит из внутреннего зала, все студенты затихают.

Декан стоит на возвышении, скрестив руки за спиной, и слегка кашляет. Тридцать с лишним учителей по его знаку входят и расходятся к своим ученикам. Почему-то зрелище выходит немного комичным. Увидев это, Вэй Хо едва сдерживает улыбку, но по-настоящему рассмеяться не смеет.

Чан Жун стоит с невозмутимым лицом. Он оглядывается и чувствует, что их сторона выглядит несколько слабоватой.

Всего в Академии Чанъинь более тридцати учителей. У Чан Жуна меньше всего учеников. У других учителей, даже с наименьшим количеством, насчитывается более десяти человек. Всего из пяти-шести сотен студентов пришла примерно половина. К счастью, зал на первом этаже Южного павильона просторный и светлый, вмещающая всех собравшихся.

Когда учителя и ученики выстроились должным образом, декан громко объявляет:

— Академия Чанъинь ежемесячно проводит дебаты. Июньские дебаты проходят сегодня здесь. Учиться и применять — это подход к учебе, который Академия всегда поощряет. А постоянное соревнование и обмен мнениями с однокурсниками — это путь к значительному прогрессу. Хорошо, объявляю дебаты открытыми!

Аплодисменты стихают. Юный служитель разворачивает свиток, на котором написано: Верность и сыновняя почтительность трудно совместить. Что выше?

Тема для дебатов несложная. Снизу доносится тихий гул обсуждений. Один человек, стоящий впереди с южной стороны, выходит вперед, совершает поклон и начинает.

— Смиранный ученик Чжан Чэн, ученик учителя Ли Цзяна, имеет глупое мнение. Я считаю, что если верность и сыновняя почтительность трудно совместить, то верность, безусловно, выше. Цзя И говорил: Забыть о семье ради государства, забыть о личном ради общего. Дела государства связаны с верностью, а сыновняя почтительность — лишь дело семьи. Государство — это большая семья, семья — малая. Только сперва обеспечив целостность большой семьи, великую верность, можно затем думать о заботах малой.

С северной стороны кто-то делает шаг вперед и низким голосом возражает:

— Я так не считаю. Если верность и сыновняя почтительность трудно совместить, то между ними и нельзя говорить о высоте или низости, речь лишь о том, как сделать выбор. С другой стороны, тело, волосы и кожа дарованы родителями. Если бы не было отца и матери, как тогда можно было бы ради верности отбросить сыновнюю почтительность и долг?

Чжан Чэн возражает:

— Не обязательно ради верности отбрасывать сыновнюю почтительность и долг. Здесь речь идет о том, что когда великий долг на первом месте, и то и другое невозможно получить вместе, то, конечно, нужно выбирать верность!

Вэй Хо тоже хочет высказаться. Он выходит вперед и говорит твердо и ясно:

— Сыновняя почтительность — это основа личности человека. Верность — это великий долг. Первое — это отдача долга родителям, второе — посвящение себя нации и государству. Если говорить об уровне возвышенности, то верность все же выше...

Обсудив одну тему, переходят к другой.

Цао Цао переоделся слугой, а затем убил прибывшего посланника. Как оценить?

Снова начинаются жаркие дебаты. Кто-то полностью погружается, а кто-то не очень заинтересован, жмется в углу, перешептывается и смеется.

Когда дебаты близились к концу, Вэй Хо почувствовал, что у него пересохло в горле, и ему не терпелось немедленно вернуться и выпить большую чашу холодной воды.

Именно в этот момент декан внезапно обращается:

— Чжэн Хуаймин, о чем это вы с Ван Юанем разговариваете?

Чжэн Хуаймин поспешно прекращает разговор и выходит вперед, складывает руки в приветствии и почтительно отвечает:

— Отвечаю господину декану, мы обсуждали стихотворение, которое вчера показали императору.

Эта история уже разнеслась по академии. Большинство присутствующих смотрят на Ван Юаня с восхищением и завистью. Как ни крути, получить благосклонность императора Чжаоюя — возможно, это путь к будущим богатству, знатности и славе для рода.

Декан говорит:

— Я слышал об этом деле и тоже заинтересовался твоим стихотворением. Почему бы не прочесть его всем вслух?

— Да, давайте и мы поучимся.

— Раз уж получило одобрение Сына Неба, должно быть, прекрасное стихотворение...

Обсуждение окружающих заставляет Ван Юаня широко улыбаться. Он не стесняется, делает два больших шага вперед, выпрямившись, и начинает декламировать строчку за строчкой.

*

Алое знамя отражается в облачной чешуе,

После дождя свежа трава на ветвях.

Скопление, как прилив волн,

Лес копий и мечей, теснящихся рядами.

Часто есть духовные подвижники,

Молча скрывающиеся в городе.

Спросишь о пути, ведущем к небесам,

Жди голоса искреннего.

*

Стихотворение окончено. На мгновение воцаряется тишина.

Услышав первую строфу, Вэй Хо еще не осознал. Когда прозвучала вторая, его лицо меняется, он не может сдержать себя и широко раскрывает глаза, невольно глядя на стоящего рядом Чан Жуна.

Чан Жун смотрит на него вопрошающим взглядом.

Как так может быть?! Первые две строфы полностью совпадают со стихотворением, которое он сочинил несколькими днями ранее!

У Вэй Хо в голове происходит сумбур. Только когда все начинают наперебой восхвалять, он с запозданием осознает, что его произведение украдено!

Почти не раздумывая, он тут же строго говорит:

— Первые две строфы явно написал я! Не думал, что ты их присвоишь!

Эти слова вызывают всеобщий переполох.

Услышав это, Ван Юань сразу же округляет глаза и смотрит яростно:

— Смешно! Пустые слова без доказательств! На каком основании ты говоришь, что это написал ты? Мы обычно не общались, откуда мне знать, что ты писал? У тебя есть доказательства?

Вэй Хо от злости дрожат губы, глаза наливаются краснотой. Он отчетливо, слово за словом, произносит свои последние две строки для всех:

— У всех есть уши. Осмелюсь спросить тебя, Ван Юань, разница между первыми двумя и последними двумя строфами так велика, как это может быть сочинено одним человеком?

Кто-то подает голос:

— И правда, Ван Юань, твои последние две строфы вообще не на ту же тему, что первые, это и дурак услышит, не говоря уже о тонах и рифме — все не так, слишком далеко.

Среди раздающихся то тут, то там вопросов Ван Юань, однако, выглядит удивительно спокойным.

Он кривит губы в насмешке:

— Вэй Хо, и ты, и вы... Как вы смелы! Знайте, это стихотворение лично похвалил Его Величество! Вы смеете говорить, что оно плохое? Не слишком ли вы заносчивы, полагаясь на свой талант?

Вэй Хо чувствует, как у него в груди собирается огонь, который неудержимо рвется наружу. Гнев отражается на его лице, жар заливает щеки и шею краснотой.

Он уже готов шагнуть вперед, чтобы поспорить, но его запястье хватают. Повернув голову, он видит Чан Жуна с плотно сжатыми губами, его острый взгляд и легкий отрицательный кивок.

— Учитель...

— Ладно, — только теперь вмешивается декан. — Вэй Хо, у тебя нет веских доказательств, как ты можешь утверждать, что первую часть стихотворения написал ты? Академия всегда ценила добродетель, нельзя бездоказательно клеветать на человека. Сегодняшние дебаты, полагаю, каждому что-то дали. Все устали, если больше не о чем говорить, можете расходиться. Июньские дебаты нашей академии на этом закончены.

Вэй Хо еще хочет возражать, но Чан Жун, держа его за запястье, выводит из Южного

павильона и ведет в тихий бамбуковый лес.

Стоя на каменной тропинке, грудь Вэй Хо тяжело вздымается. Он с негодованием говорит:

— Учитель, зачем вы меня остановили? Разве вы тоже не верите ученику?

Чан Жун молча смотрит на него, затем через некоторое время начинает говорить.

— Я, естественно, верю в твой характер, иначе изначально не взял бы тебя в ученики. Но сначала скажи мне, как твое стихотворение попало к другому?

Только теперь Вэй Хо немного успокаивается. Он вспоминает, что происходило после того, как он написал стихотворение.

Тетрадь со стихами он всегда носил с собой, и с Ван Юанем он не пересекался, так что вроде бы не было возможности для плагиата. Он снова прокручивает в памяти последние несколько дней и внезапно вспоминает тот день, когда ходил в библиотеку и ненадолго прикорнул, положив голову на стол.

Найдя причину, Вэй Хо тихо рассказывает об этом Чан Жуну.

— Должно быть, именно в тот день он их увидел, — говорит Чан Жун, выслушав.

<http://bllate.org/book/15583/1387711>